

Мать вашу, эти мелкие японцы и впрямь живут на широкую ногу, снаряды сыплются, как жареные соевые бобы! — Лэй Чжэнь смахнул слой жёлтой пыли, осевший на его голове, и мысленно вздохнул.

Людей сравнивать — лишь себя расстраивать.

По сравнению с расточительностью Альянса, те жалкие пожиге рассыпанные снаряды артиллерии Великой Цин выглядели поистине жалко. Впрочем, винить Ху Дяньцзя, командовавшего артиллерией, тоже не стоило: скудные крохи, доставшиеся Предивой армии Увэй, попросту не могли выдержать столь масштабной заварушки. Если вдуматься, прошли уже века с тех пор, как Ханьско-Танская империя, некогда двинувшая сотни тысяч воинов и заставившая гуннов и тюрков бежать в панике, канула в лету. Никуда не деться от правды — начиная с XIII века могущественный Китай, воспеваемый в исторических хрониках, неуклонно догоняли и перегоняли другие державы.

— Наставник Лэй, черти лезут!

Тихий окрик прервал самоедство Лэй Чжэня. На фоне утреннего солнца несколько тысяч японских чёртков в новой форме, с тридцатизарядными винтовками наперевес, с дикими воплями неслись вперёд, словно стая жёлтокожих макак.

По сравнению с британцами, которые мнили себя хозяевами жизни и правила миром добрую сотню лет, эта новоявленная островная империя до боли нуждалась в признании великих держав. На сей раз, стремясь протиснуться в ряды хищников, делящих Китай, японский кабинет министров экстренно перебрал из метрополии несколько тысяч пехотинцев за морем на войну. В результате по численности задействованных сил японская армия заняла первое место среди всех стран.

Но это первое место было с подвохом. Японский генерал Фукусима понимал: чтобы заслужить уважение держав, на поле боя нужно показать нечто весомое. А стоявший перед ними увядающий старый гигант, этот некогда великий учитель, подходил на роль идеального камня для заточки мечей.

Триста метров...

Двести метров...

Сто пятьдесят метров...

На позициях цинской армии стояла мёртвая тишина — казалось, в окопах не осталось ни единой живой души.

Командовавший японскими войсками офицер внутренне ликовал: эти трусливые свиньи-

чинаши наконец-то побежали, и доблестная армия Великой Японии может без лишних церемоний гнать их порепанные задницы всю дорогу до самого города Пекин!

— Банзай!

— Огонь, в атаку!

Оба приказа прозвучали почти одновременно, но едва японский ротный командир взметнул саблю, как пуля из маузера пробила ему голову.

Этот выстрел сделал не кто иной, как Лэй Чжэнь.

Стоило ему завидеть мелких япончат, как боевой дух взлетал на пару сотен процентов без всякой посторонней агитации, попутно на порядок улучшая и меткость. Прикончив вражеского командира, Лэй Чжэнь испустил громовой рев, подхватил широкий нож с красной кистью и бросился на японцев.

Один за другим.

Из безмолвных окопов хлынули бесчисленные шеренги цинских солдат, сливавшихся цветом с жёлтой глиной. Их тела спотыкались, шаги были неверными и шаткими, но взгляды пылали невероятной твёрдостью. В этот миг они знали: они сражаются не за паршивого императора и вдовствующую императрицу Великой Цин, а как сыны Китая, проливая кровь за мириады отцов, матерей и земляков.

Широкий нож рубит головы чертей, верные братья из Армии Уи, день расплаты настал, настал!

Ничто так не поднимало боевой дух воинов, как эта песня. Офицеры и солдаты армии Не никогда не были трусами в схватках с японцами — так было на Мотяньлине, у Ляньшаньгуаня, так же обстояло дело и в Балитае.

— Умрите!

С яростным ревом Лэй Чжэнь ударом широкого ножа отбросил тридцатизарядную винтовку и со всего маху полоснул бросившегося на него японского солдата. Предсмертный вопль японца смешался со брызнувшей Лэй Чжэню в лицо кровью.

Мать твою, какое же это кайфовое дело!

В ближнем бою нож, вне всякого сомнения, куда смертоноснее штыка. К тому же японская пехота в ту пору ещё не прошла испытание русско-японской войной, и у них ещё не выработался единый свод пехотных уставов для рукопашных схваток на штыках.

Японская армия не дошла до этого шага первой, но, к сожалению, отсталая цинская армия и вовсе не осознавала подобных тонкостей; иначе чаша весов в этом бою вполне могла бы качнуться в другую сторону. Обе армии сошлись в лобовом столкновении с дикими криками, врезавшись друг в друга подобно скрестившимся потокам, и во все стороны брызнула кровь.

Прошло совсем немного времени, а Лэй Чжэнь уже с ног до головы испачкался в крови, и его собственный широкий нож переломился пополам. Впрочем, в руке он всё ещё сжимал японскую тридцатизарядную винтовку. Это ружьё, бывшее предшественницей винтовки Арисака образца 38 года, из-за слишком широкого магазина постоянно клинило, и во время русско-японской войны японцы от него отказались, однако сейчас оно служило основным пехотным оружием неприятеля.

Съёмный штык на конце тридцатизарядной винтовки отлично подходил для ближнего боя — этим она очень напоминала тридцать восьмую модель. Знакомый с историей сопротивления японской агрессии Лэй Чжэнь, разумеется, прекрасно это знал. И когда он в совершенстве применил штыковую технику, не сдавая позиций даже в ситуации один против троих, боевой дух японцев наконец рухнул.

Этот парень — не человек.

Как он может владеть столь безупречной техникой штыкового боя?

Под ударом штыка японский майор с расширившимися от ужаса глазами рухнул на землю, полные разочарования и отчаяния. Видя, как Лэй Чжэнь крушит врагов с неуязвимостью бога войны, японские солдаты пятились шаг за шагом — у них больше не хватало мужества снова идти вперёд на верную смерть.

— Свист!

Со свистом пролетел снаряд.

— Наставник! — услышав за спиной разрывающий воздух свист, цинские солдаты с криками бросились вперёд, закрывая Лэй Чжэня собой. Снаряд упал прямо рядом с ним, взметнув фонтаны кровавой грязи.

Снаряд приземлился!

Но ожидавшегося оглушительного взрыва не последовало. На поле боя воцарилась абсолютная тишина — немое изумление застыло на лицах как врагов, так и союзников. Лишь израненный Лэй Чжэнь стоял посреди поля и раскатисто хохотал.

— Твою мать, напугали вас, ублюдков, обычной болванкой! — смеясь, Лэй Чжэнь сделал вид, будто пристраивает штык наперевес, и шагнул вперёд.

Увидев это, боевой дух японских солдат рухнул окончательно: спотыкаясь и падая, они покатались назад, к собственным позициям.

— Наставник, вы живы! Вы действительно живы! — надрывая горки, орали солдаты, сбегаясь со всех сторон.

После этой рукопашной схватки на передовой линии поредело ещё почти на две сотни человек, хотя японских трупов осталось куда больше. Ближний бой испытывал на прочность боевое мастерство, храбрость и отчаянную дерзость воинов обеих сторон. И в этих аспектах солдаты Предивой армии Увэй, уже имевшие за плечами опыт Первой китайско-японской войны, несомненно, имели куда больше веских слов.

Лэй Чжэнь был жив.

Число японских чертей, павших от его широкого ножа в этом бою, уже перевалило за десяток. Если же приплюсовать сюда иноземцев, пристреленных им за последние дни, эта цифра приближалась к сотне.

Быстрее отступаем! — взревел пришедший в себя после прогулки по краю могилы Лэй Чжэнь, принявшись загонять солдат обратно в окопы, словно стадо овец.

Как он и предполагал, опомнившиеся от недавнего шока командиры Альянса отдали приказ об артиллерийском обстреле. Пока пехота сцеплялась в ближнем бою, им приходилось беречь своих людей, но теперь, когда стороны разорвали дистанцию, можно было как следует проучить упрямых китайцев с помощью пушек.

Снаряды падали с неба один за другим, разрываясь на искореженных позициях цинских войск. Местность Балитай лежала на аллювиальной равнине вокруг Тяньцзиня, вокруг не было ни единого приличного холма, и обороняющимся в своём бедственном положении оставалось лишь терпеть выпавшую на их долю участь мишеней.

К счастью, теперь среди них был Лэй Чжэнь. К подобной карательной артиллерийской акции Альянса он подготовился заранее, а потому, отступив в окопы, тут же отдал приказ основной массе солдат отходить вдоль траншей к устью реки Сяотунхэ на вторую линию обороны, оставив на передовой лишь несколько дозоров для предотвращения внезапной атаки противника.

Подобная тактика была эффективным средством борьбы с массированными артиллерийскими налётами, изобретённым немцами во время Второй мировой войны. Применённая в самом начале двадцатого века, она дала ещё более очевидный эффект. Тогдашний Альянс ещё не освоил тактику сопровождения пехотной атаки перекаत्याющимся артиллерийским огнем: солдаты просто жались по своим позициям, зажав уши руками и дожидаясь затихания канонады.

Около восьми часов утра, едва Лэй Чжэнь со своим отрядом отступил к берегам Сяотунхэ, он воочию убедился, что главные позиции цинских войск у Балитая на противоположном берегу затянуты дымом и охвачены плотной трескотней ружейной стрельбы. Бои здесь шли с той же яростью, что и на передовой — судя по всему, обходной отряд японцев уже вплотную подобрался к центру цинской обороны.

Ни за что. Пока жив Лэй Чжэнь, он не позволит японцам одержать верх!

С этими мыслями Лэй Чжэнь рявкнул:

— Командующий в опасности, братья, за мной, через мост, рубить врагов!

Стоило ему прокричать это, как услышавшие о беде генерала Не цинские солдаты дружно подхватили клич и наперегонки бросились на мост Сяотунцяо. В древнем Китае спасение попавшего в беду главнокомандующего силами его заместителей и подчинённых было делом совершенно естественным и праведным; выражаясь точнее, это звалось благородным поступком, проповедуемым с незапамятных времён.

Что же до судьбы передовых позиций, о них временно пришлось забыть: случись с Не Шичэном хоть что-то дурное, удержание этих окопов потеряло бы всякий смысл.

Яркое солнце слепило глаза.

У моста Сяотунцяо главные силы Не Шичэна оказались прижаты к земле плотным кольцом. Внезапная атака пятисот японцев не отличалась масштабностью, но брала фактором внезапности. Хуже того, хотя в центральной группировке Не Шичэна числилось два батальона — почти тысяча человек списочного состава, на деле под ружьем оставалось менее трёхсот.

Не Шичэн не принадлежал к числу трусливых военачальников, оберегавших лишь собственных элитных головорезов. За месяц с июня по июль он провёл с подчинёнными несколько жестоких боев против иноземцев, и части понесли тяжелейшие потери. Выхода не оставалось, кроме как отправлять на подкрепление отряд личной охраны. Так, батальон за батальоном, от прежних двух тысяч к настоящему моменту едва набиралось триста бойцов.

Если бы не упорство Сун Чжаньбяо, эта половина батальона наверняка тоже не удержалась бы, и тогда цзилиньский тиду Не Шичэн действительно остался бы без единого солдата за душой.

Японцев насчитывалось не менее полутысячи, в то время как цинских воинов — всего триста. В вооружении цинская армия также уступала противнику, а внезапность удара в тыл с самого начала поставила защитников главной позиции Балитая в крайне трудное положение.

Японцы давили с трех сторон, а цинские силы отчаянно держались за одинокий мост.

Меньше чем за полчаса оба чаогуаня гвардейского батальона, Фань Чжэньсянь и Фэй Хуншунь, сложили головы. Даже Сун Чжаньбяо получил ранение шальной пулей в живот и истекал кровью; не будь убойная сила японских винтовок образца 30 года столь ограниченной, жизнь Сун Чжаньбяо давно бы оборвалась.

— Взять этого цинского генерала живым! — издирали глотки японские солдаты, издавая звериный вой и бросаясь на Не Шичэна. Они хотели стереть из памяти позор Мотяньлиня и сделать так, чтобы гибель Фугао Сандзо от рук цинских войск казалась незначительным пустяком — стоило лишь прикончить стоявшего перед ними китайца.

— Тьфу! — выругался Не Шичэн.

Украшенный павлиньим пером чиновный головной убор качнулся, когда он, словно молодой юноша, единым прыжком взлетел в седло и бросился навстречу японцам во главе оставшихся воинов. К островной империи по ту сторону моря он никогда не испытывал ни малейшей симпатии, прекрасно сознавая волчьи аппетиты японцев. И лишь заплывшие жиром старая Будда в пекинском дворце да свора придворных сановников продолжали питать глупые иллюзии.

Видя, как седовласый старый генерал почти шестидесяти лет от роду мчится впереди всех, Лэй Чжэнь, только что перебравшийся через мост с подкреплением, в отчаянии заорал:

— Генерал, так нельзя!

При столь показной атаке Не Шичэн шёл на верную смерть!

Лэй Чжэнь никак не мог допустить, чтобы исход битвы при Балитае с его участием повторил исторические хроники точка в точка!

Нет, историю пишут люди, и пока жив Лэй Чжэнь, он не позволит повториться этой трагедии.

— Мелкие черти! Дедушка Лэй идет к вам!

Маузер в руке Лэй Чжэня изрыгал огонь, а тем темпом шага он ни на секунду не сбавлял. Подобная стрельба на ходу требовала потрясающей координации и точности движений, но для Лэй Чжэня, бравшего первые места на общеармейских состязаниях, это было сущим пустяком.

— Бах!

Еще один японский солдат, пытавшийся открыть огонь по Не Шичэну, замертво рухнул на землю!

За считанные минуты передний край японцев словно срезало косой: около трехсот трупов валялись в беспорядке на пути их наступления, окрашивая землю кровью.

— Генерал, скорее, прорывайтесь со мной отсюда! — кричал Лэй Чжэнь. Ограничение маузера одиночными выстрелами страшно его раздражало — попадись ему сейчас в руки ручной пулемет Мадсена, он бы не испугался не то что шеренги японцев, а и вдвое большего числа.

Прорываться!

Не успел затихнуть голос Лэй Чжэня, как окрестности Балитая накрыло артиллерийским огнем. Хлынувшие через мост Сяотунцяо беглецы с передовой валились друг за друга, точно оборванные воздушные змеи, толкаясь в отчаянной давке. Плотная толпа лишь увеличивала разрушительную силу снарядов: стоило фугасу угодить прямо в полотно моста, как десятки цинских солдат валились наземь.

После почти восьми суток отчаянного сопротивления офицеры и солдаты армии Не исчерпали последние силы.

Размявшись на руинах передовой, иноземная артиллерия перенесла огонь вглубь центральных позиций Балитая. На сей раз по приказу нового главнокомандующего Альянсом Гасли подтянули тяжелые крупновские орудия. Оставлявшие после себя огромные воронки монструозные пушки тяжело поддавались транспортировке, но внушали поистине ужасающий трепет.

Если артиллерия иноземцев продолжит громить позиции, в Балитае не останется в живых ни единого защитника.

Пока Лэй Чжэнь лихорадочно соображал, как быть, артиллерия неприятеля почему-то внезапно умолкла. Настоящий шанс: японцы на флангах и наступающие с фронта силы Альянс еще не полностью сомкнули клещи, брешь для прорыва все еще существовала.

— Генерал, за мной!

Снова рывкнул Лэй Чжэнь, но как бы он ни дергал за удила коня Не Шичэна, сдвинуть с места это упрямое животное, разделявшее характер хозяина, не удавалось. Конь стоял словно вбитый в землю железный колышек — хоть буря вой, хоть дождь лей, а он ни с места.

— Генерал, пока живы зеленые холмы, нечего бояться нехватки дров. Захватим в заложники этого варварского генерала Сеймура, и даже если двор вздумает гневаться, вам не придется платить за все головой! — видя недвижимость Не Шичэна, взмолился Лэй Чжэнь.

— Замолчи! Мне суждено стоять здесь до конца. Сдать позиции — разве Не Шичэн после этого настоящий мужчина? — рывкнул Не Шичэн, поправляя головной убор с павлиньим пером,

трепетавшим под порывами порохового дыма.

В разгар спора на противоположном берегу Сяотунхэ чужеземец на ломаном китайском заорал во весь голос:

— Генерал Не! Я — человек генерала Кука, командующего передовыми силами Альянса. Мне поручено передать генералу Не совет генерала Кука: если генерал Не изволит сдаться, мы гарантируем, что Альянс проявит к нему должное уважение! Вы и ваши люди получите справедливое отношение.

Кук, немецкий черт, прекрасно знавший обстановку в цинской армии, получил повышение после назначения Гасли. К тому же германский кайзер в те дни недвусмысленно подтвердил свое намерение участвовать в интервенции, отчего Кук обрел железную уверенность.

Фельдмаршал Вальдерзее вел немецкий экспедиционный корпус на восток, а чтобы не отстать, немцы собрали местную диаспору и военных атташе на Дальнем Востоке, сформировав двухсотенный чисто немецкий отряд для участия в Тяньцзиньской битве, что наконец-то придало Альянсу восьми держав реальный вес.

— Твою мать! — гаркнул в ответ на предложение о сдаче Не Шичэн. На его изборожденном морщинами лице промелькнула горькая ухмылка.

Услышав столь колоритную китайскую ругань в адрес иноземных чертей, Лэй Чжэнь почувствовал небывалое облегчение: генерал Не оказался парнем с характером. Настоящий военачальник должен обладать непоколебимой царственной спесью — даже в безвыходном положении не позволяя врагу смотреть на себя свысока.

— Грох!

Словно услышав насмешку Не Шичэна, с позиций иноземцев на противоположном берегу Сяотунхэ сорвались несколько разрывных снарядов, вмиг сбив с головы генерала павлинье перо. Но тот не выказал ни капли страха.

— Наставник Лэй! Приказываю тебе: уводи этих парней, живо! — лицо Не Шичэна сплошь залила кровь, но он даже не попытался ее вытереть, продолжая рычать на Лэй Чжэня.

События зашли слишком далеко, и проницательности Не Шичэна хватало, чтобы понять: дальнейший бой грозит гибелью всей армии. Сам он решил умереть за родину, но у воинов Предивой армии Увэй не было нужды разделять его участь. К тому же в этот отряд он вложил годы труда, и ему не хотелось бы, чтобы он сгнил в этой безнадежной мясорубке.

— Генерал! Я не могу бросить вас! Если вы не уйдете, эта тысяча братьев тоже с места не сдвинется. У всех семьи, дети, погибать так просто — сущее безумие! — взвыл Лэй Чжэнь.

Ну что за упрямая преданность у этого Не Шичэна? Разве ему не объясняли, что чертов указ состряпал этот ублюдок Цзай И? Чего ради умирать ради императорской милости, что за благодать такая в этой династии Цин!

— Я всю жизнь провёл в седве, а теперь не могу защитить даже восьмидесятилетнюю матушку. Какой смысл жить дальше? Уходите все, а я останусь стеречь этот мост и эту позицию. Я хочу, чтобы иноземцы увидели: в нашей великой династии Цин есть храбрые мужи, не боящиеся смерти! — горько усмехнувшись, ответил Не Шичэн.

С этими словами он вытащил из ножен личный меч и протянул его Лэй Чжэню. Лэй Чжэнь понял: так генерал передает ему командование остатками разбитого отряда для прорыва.

Оружие означало власть и приказ.

Солдаты армии Не, завидев этот меч, словно видели самого Не Шичэна.

— Генерал!.. — Лэй Чжэнь чувствовал, как застряли в горле тысячи слов, но издать он не мог ни звука.

— Уходите! — взревел Не Шичэн, и вены на его шее вздулись.

— Берегите себя, генерал!

Видя непреклонную решимость Не Шичэна, Лэй Чжэнь с тяжёлым сердцем выпустил из рук коня. Увещевать дальше не имело смысла, и теперь единственным долгом оставалось исполнить поручение генерала — увести уцелевших солдат, прорвавшись через стык японских и российских частей вдоль берега Сяотунхэ.

Возле Не Шичэна по-прежнему оставалась сотня верных телохранителей, категорически отказавшихся отступать.

Бросив прощальный взгляд на мост Сяотунцяо, Лэй Чжэнь увидел, как снаряды и пули окружили коня Не Шичэна. На поле боя, затянутом едким дымом, Не Шичэн выглядел словно бог войны, продолжающий сражаться после бесчисленных ударов. Под ним пал один конь — он тут же вскочил на другого. Осколок разорвал его живот, руки прижимали грудь, залитую алым — кишки, должно быть, выпали наружу, но он по-прежнему стоял неколебимо.

— Генерал! — взмахнув рукой для отданного приказа, Лэй Чжэнь почувствовал, как глаза застилают слезы.